

Бросает ветер огромны глыбы,
И тяжкие из бездны рыбы;
Да разрушат небесный свод.

В «Оде... Екатерине Алексеевне... на день коронавания ея сентября 22 дня 1766 года» из девяти строф опущены две, среди них первая:

Не Зевс ли гром с Олимпа мечет,
Или от горьких дальних стран,
И молния по сфере блещет,
Ревет великий Окиян,
Валы морские бурей тмятся,
Рифейских гор верьхи дымятся,
От корня их выходит треск?²
О муза! рцы, в какой судьбине
Европы шум я слышу ныне,
И что в подсолнечной за блеск?

Значительный интерес с точки зрения эволюции общественных взглядов Сумарокова представляет исключение многих строф, полных лести Екатерине. Они выражают чаяния Сумарокова, возлагавшиеся на новую императрицу при ее восшествии на престол, формулируют его собственные взгляды, когда в шестидесятых годах он пытался влиять на политику императрицы, его надежды на справедливость. Ко дню коронации Екатерины II Сумароков приготовил «Слово», в котором много уделял внимания вопросам правосудия и осторожно намекал на введение самодержавия в рамки законности. «Слово» осталось ненапечатанным, и поэт впервые мог почувствовать недовольство императрицы. Сумароков и в дальнейшем высказывал свое мнение, отнесясь критически к некоторым пунктам составленного Екатериной II «Наказа», чем опять раздражил ее. Постепенно наступало разочарование: поэту, как и многим его современникам, становилось ясно, что Екатерина II стремилась быть просвещенной монархиней на словах, а на деле являлась деспотом. По ряду личных причин отношения Сумарокова с Екатериной в конце 60-х—начале 70-х годов обострились; к разочарованию политического характера прибавилось личное раздражение. Материально Сумароков во многом зависел от милостей императрицы, его денежные дела были расстроены. Не будучи на государственной службе, он получал пожалованный ему годовой оклад, постоянно выпрашивал добавочные субсидии. Переезд в 1769 году в Москву не улучшил материального положения поэта. В то же время Москва явилась причиной горького разочарования, так как трагедии его не пользовались таким успехом, какого ожидал Сумароков. Отчасти из-за материальной зависимости, отчасти, вероятно, в надежде вернуть милостивое отношение к себе императрицы Сумароков продолжал писать оды в духе, обычном для этого жанра в 1760—1770-е годы. Но при их переиздании в 1774 году критическое отношение поэта к Екатерине II и растущая неприязнь заставили его исключить ряд строф; он оставил лишь то, что содержало зашепринятую, холодную, официально звучащую лесть.

В уже упоминавшейся оде на восшествие Екатерины на престол (1762 год) среди других опущены строфы вторая, шестнадцатая, семнадцатая и восемнадцатая:

Погибла горесть и унылость,
И твой, Россия, прежний страх;
Порфирой облеченна милость:
Твой стон рассеян яко прах.
Чево Тебе желати боле;
Премудрость на Твоем престоле,